

Глаза Цао Пи были удивительно ясными. В их глубокой черноте всегда мерцал живой свет — то нежный, словно утренняя роса, то загадочный, как отблеск далеких звезд.

Цао Ан долго смотрел на него, не отрываясь. Затем он медленно наклонился к брату, и когда их кончики носов почти соприкоснулись, остановился. В этом кратком пространстве между ними замерло общее дыхание.

— Потому что для меня ты — единственный и неповторимый... брат, — последнее слово сорвалось с губ не сразу, словно Цао Ан на миг засомневался в нем, но признание всё равно достигло сердца Цао Пи.

Младший брат знал, что Цзысю души в нем не чаёт, но не ожидал услышать столь прямое признание. Обычно красноречивый Цао Пи замер, широко распахнув глаза.

— Единственный? — переспросил он, запинаясь. — А как же... А-Чжи и остальные?

Цао Ан выпрямился и посмотрел отрешенно.

— Разумеется, они тоже мои братья. Но просто братья — и ничего более. Понимаешь, А-Пи? Кровных родственников у меня может быть великое множество, но ты — такой один.

Цао Пи, окончательно запутавшись в словах старшего, лишь растерянно смотрел на него, ожидая пояснений. Увидев его озадаченность, Цао Ан вдруг повеселел. Он шутливо щелкнул брата по лбу и рассмеялся:

— Ну что ты замер? Куда подевалась твоя сообразительность в такой важный момент? Слушай внимательно, я повторю лишь раз.

Цао Пи тут же перестал потирать лоб, чинно сложил руки на коленях и вытянулся, превратившись в само внимание.

— В моем сердце всегда будет место лишь для одного брата, и этот человек — ты, Цао Пи. Ты уникален. Что же касается А-Чжи и прочих... они связаны со мной лишь кровью, не более того.

Цао Пи почувствовал, что на столь искреннее излияние чувств он обязан ответить тем же. Помолчав немного, он произнес:

— И в моем сердце есть место лишь для одного брата Цзысю.

Момент должен был стать верхом братской нежности, но что-то пошло не так. Глядя на серьезное лицо Цао Пи, Цао Ан вдруг прыснул со смеху. Младший тут же занервничал, лихорадочно соображая, где он допустил оплошность. Он густо покраснел.

— Старший брат, перестаньте смеяться!

— Хорошо, хорошо, — Цао Ан сделал глоток чая, пытаясь унять смех. — Но послушай, А-Пи... Ты — второй молодой господин дома Цао. И разве я могу не быть твоим «единственным» старшим братом? Или у отца есть еще сыновья на стороне, о которых я не знаю?

Осознав, какую глупость сморозил, Цао Пи покраснел еще сильнее. Он принялся судорожно комкать полы своего длинного халата; дорогая ткань, не продержавшаяся и часа в безупречном виде, мгновенно пошла жалкими складками.

— Я... я просто... это вы первый начали про единственного... я...

Зная, насколько брат самолюбив и раним, Цао Ан перестал подшучивать и посерьезнел.

— Я запомню твои слова, А-Пи. Но и ты пообещай мне кое-что: что бы ни случилось в будущем, ты приложишь все силы, чтобы взойти на самую вершину. Стань тем, кто стоит выше всех.

В те годы Цао Ан был лишь пылким юношей с душой, стремящейся к облакам. Он искренне верил, что власть над Поднебесной — это высшее благо и венец всех стремлений. Проживи он еще лет десять, возможно, он никогда не потребовал бы от брата такой клятвы. Или, если бы мертвые могли ведать о делах живых, он увидел бы, сколькими жертвами и какими переменами в характере обернется для его любимого А-Пи это обещание. И тогда он наверняка захотел бы забрать свои слова обратно.

— Хорошо... — прошептал Цао Пи. — Но я хочу, чтобы ты всегда был жив и оставался рядом со мной.

Цао Ан лишь горько улыбнулся и, не давая прямого ответа, привлек брата к себе, крепко обняв.

— Помни, А-Пи: Поднебесную обретает тот, кто следует законам Неба и чаяниям народа. Отец неспроста так держится за лозунг «почитать Сына Неба» — это ключ к людским сердцам. Но ты должен знать: наши амбиции простираются куда дальше.

— Значит, отец хочет стать императором? — глухо спросил Цао Пи, уткнувшись в его грудь.

— Разумеется, нет. Это было бы вызовом Небесам, и тогда каждый в империи счел бы своим долгом покарать нас. Знаешь, почему люди Юань Бэньчу разбегаются кто куда? — Цао Ан сделал паузу. — Потому что в его сердце живет мятеж, а талантов не хватает даже на то, чтобы удержать своих. Мы не повторим его ошибок. Но в этом мире, А-Пи, есть много вещей, которые можно совершить, даже не надевая императорскую корону. Понимаешь, о чем я?

Цао Пи поднял голову. Он посмотрел с недетской решимостью.

— Мы можем стать теми, перед кем император будет трепетать, а народ — преклоняться. Мы принесем мир в Поднебесную и заставим все четыре моря признать нашу волю.

Слова ребенка звучали наивно, но в них крылась истина, которую позже подтвердят деяния Цао Цао. Услышав это, Цао Ан почувствовал облегчение. Он взглянул в окно.

— Дождь стих. Пойдем в главный зал, пора ужинать.

Вечерняя трапеза тянулась как обычно — не слишком шумно, но и не скучно. Цао Пи вел себя безупречно: сидел с идеально прямой спиной, скромно опустив голову к своей чаше. Однако сегодня Цао Цао, казалось, решил восполнить годы невнимания ко второму сыну. Едва Цао Пи успевал проглотить кусок, как отец обрушивал на него очередной вопрос. Мальчик, привыкший к роли тени, втайне изнывал от этого натиска, хотя и отвечал на каждое слово со всей почтительностью.

Заметив, что тарелка сына почти не пустеет, Цао Цао громко произнес:

— Пи-эр, почему ты так мало ешь? Мужчине, рожденному для великих дел и ратных подвигов, не пристало иметь аппетит юной девы. Как ты собираешься командовать войсками, если в тебе нет сил?

Цао Пи растерялся. В голове его бушевал вихрь мыслей: «Разве это моя вина? Вы без конца спрашиваете, я не успеваю даже челюстями пошевелить! А если я начну есть быстрее, я же просто подавлюсь на глазах у всех!»

Цао Ан, втайне забавлявшийся этой сценой, всё же решил прийти на помощь брату.

— Отец, вы просто не знаете... А-Пи, услышав о вашем скором походе, сокрушался, что еще мал и не может разделить с вами тяготы. Он ночами напролет штудировал трактаты по тактике, надеясь в будущем стать вашей опорой. Должно быть, из-за летнего зноя и бессонных ночей он совсем лишился аппетита.

Цао Цао внимательно посмотрел на Цао Пи. Заметив его бледность и усталость, он смягчился.

— Твое рвение похвально, я тронут. Но не смей изнурять свое тело, иначе все твои труды пойдут прахом.

— Слушаюсь, отец. Я запомню ваши наставления.

Цао Ан про себя лишь покачал головой. «Отец суров даже в похвале — не может не вернуть

нравоучение».

Когда ужин наконец закончился, Цао Пи чувствовал себя так, словно прошел через битву. Он весь взмок от холодного пота.

— Бедный А-Чжи, — прошептал он, идя рядом с братом. — Неужели его так допрашивают каждый день? Мне хватило одного вечера, чтобы почувствовать себя не в своей тарелке.

Цао Ан ободряюще похлопал его по плечу.

— Привыкай. Разве тебе не льстит внимание отца? — Он ощутил, насколько хрупкими и костлявыми были плечи брата, и нахмурился. — Впрочем, ты и впрямь ешь слишком мало. Неудивительно, что ты умудрился поранить ногу во время обычной тренировки.

Цао Пи смущенно поджал губы.

— Я буду есть больше. Честно говоря, мне это «внимание» в тягость. Было бы куда лучше, останься всё как прежде.

Слова брата больно отозвались в душе Цао Ана. Он видел в А-Пи жажду родственной любви, но в то же время понимал: годы отчуждения заставили этого ребенка забыть, как принимать теплоту.

— А-Пи, иди к себе. Мне нужно обсудить кое-какие дела с отцом.

Не дожидаясь ответа, Цао Ан быстро ушел, используя этот предлог как возможность сбежать от тяжелых раздумий.

Проходя мимо парадного входа, он заметил знакомый силуэт. Это был Сюнь Юй. Цао Ан остановился и поприветствовал его:

— Не знал, что господин Сюнь Юй почтит нас визитом в столь поздний час. Случилось нечто важное?

— Приветствую старшего молодого господина, — Сюнь Юй ответил изысканным поклоном. О нем говорили как о безупречном благородном муже, чьи одежды всегда источали тонкий аромат благовоний, и сейчас Цао Ан убедился, что слухи не лгали. — Я прибыл обсудить с господином Цао план похода на Лоян.

— Как удачно. Я как раз направлялся к отцу по этому же вопросу. Прошу вас, проходите.

Узнав о прибытии Сюнь Юя, Цао Цао поспешно привел в порядок одежду и принял его в главном зале.

— Вэньжо, ты как раз вовремя! Я сам собирался звать тебя завтра. Помнишь, я послал Цзыляня в Лоян, чтобы встретить императора?

— Да, господин. Но, насколько мне известно, людей генерала Цао Хуна заблокировали войска Юань Шу и Дун Чэна.

— Верно. Но пару дней назад пришло известие: Дун Чжао написал письмо Ян Фэну, и дело уладилось. Теперь мы можем беспрепятственно отправить войска в Лоян, чтобы засвидетельствовать почтение Его Величеству.

— Это прекрасные новости. Впрочем, мне крайне любопытно, что же такого написал Дун Чжао, раз Ян Фэн стал столь покладистым?

Цао Цао громко расхохотался и шутливо погрозил Сюнь Юю пальцем.

— Ох уж эти ваши пронизательные умы! Когда встретитесь с ним, сам и спросишь.

Цао Ан сидел в стороне, вслушиваясь в их разговор. Ему импонировало, что цели можно достичь без прямого столкновения. В конце концов, идти по лезвию ножа — удовольствие сомнительное.

Когда он провожал Сюнь Юя, небо вновь затянуло тучами и начал накрапывать мелкий дождь. Попрощавшись с отцом, Цао Ан направился в свои покои. Проходя мимо комнаты Цао Пи, где уже не горел свет, он невольно замедлил шаг и пошел тише, стараясь не шуметь.

Привычка — вторая натура. Даже зная, что брат наверняка спит и не придет к нему, Цао Ан, закончив мыться, оставил дверь незапертой.

Потушив свечу, он лег, но сон не шел. Ночь была тихой, но в этой тишине эхом отзывались слова Цао Пи, сказанные после ужина. В душе Цао Ана боролись противоречия. С одной стороны, он всем сердцем желал, чтобы его брат оставался чистым и невинным ребенком, который может позволить себе капризы. Но с другой — он до смерти боялся, что такая беззащитность погубит А-Пи в безжалостном пламени смуты. Он хотел, чтобы брат стал сильным, научился интригам и власти... Этот конфликт мучил его давно, возможно, с самого первого дня, когда он по-настоящему заметил Цао Пи. Они оба пытались сбежать от этой реальности, выторговывая у судьбы крохи мирного времени. Но тучи войны сгущались, и Цао Ан понимал: пришло время взглянуть правде в глаза.

Углубившись в свои мысли, он не заметил, как в комнату скользнула темная тень. Незнакомец бесшумно приближался к кровати. В его руке, спрятанной за спиной, тускло сверкнуло лезвие

— беспощадное, словно клык хищника.

Снаружи дождь прекратился. В ночном небе бесшумно пронеслась летучая мышь, оставив после себя лишь мимолетную тень и едва слышный, пронзительный писк.

<http://bllate.org/book/17368/1692628>